

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СКАЗ КАК ФОРМА ЖИВОПИСАНИЯ У П.П. БАЖОВА И С.Г. ПИСАХОВА (на примере автобиографических очерков «Уральские были» и «Я весь отдался Северу»)

А.М. Агапова

Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119435

Статья посвящена исследованию сказовой формы повествования в русской мемуарной прозе 1920—1930-х гг. XX в. Анализируются очерковые автобиографические сборники «Уральские были» П.П. Бажова и «Я весь отдался Северу» С.Г. Писахова. В основе статьи лежат такие понятия, как «сказ», «автобиография», «очерк», «живописность». Проведен анализ индивидуального стиля писателей, вычлняются общие черты, характерные для стиля обоих авторов и стиля «художественной эпохи» (А.С. Сакулин). Очерки исследуются с точки зрения наличия в них живописных черт художественного языка. Доказывается, что живописание — один из важнейших элементов создания в художественном тексте сказовой формы повествования.

Ключевые слова: сказ, повествование, живописание, индивидуальный авторский стиль, очерк, автобиография.

В русской литературе XX в. преобладали тенденции поиска новых форм повествования. Особенно остро это проявляется на рубеже XIX—XX веков. Литературный стиль конца XIX столетия характеризуется ориентацией на книжную речь, на стилизацию, тогда как начало века XX, как показывают исследования И.Г. Минераловой, Г.Ю. Завгородней и др., ориентируется на речь устную, устный рассказ. Это связано со стилем художественной эпохи, в которой четко прослеживается общая демократизация жизни, потребность дать возможность «высказаться каждому» очевидна; когда особое внимание уделяется народной речи, народному говору. На рубеже веков происходит смена стилевой парадигмы, переориентирование и трансформация многих классических жанров. Ведущими становятся новые формы художественного повествования, такие, как сказ — изустное повествование, стилизация народной речи. В эту эпоху сказ приобретает особое значение. Интерес к данной форме тотален в 1920—1930-е гг. Именно тогда революция дает «слышимое слово» (В. Маяковский) новому герою — человеку из народа, тогда литература выдвигает сказ как одну из главенствующих форм повествования.

К ней обращались А.М. Ремизов «Посолонь» (1907), М.М. Пришвин «За волшебным колобком» (1908), Артем Веселый «Россия, кровью умытая» (1924—1932), Б.В. Шергин «Шиш Московский» (1930), С. Писахов «Сказы и Сказки» (1938—1940), П.П. Бажов «Малахитовая шкатулка» (1937). Тяга к сказу, по словам Б.М. Эйхенбаума, властно захватила прозу, что свидетельствовало о «неудовлетворенности современной литературной речью» [1. С. 178]. Таким образом, сказ занимает одну из ведущих позиций русской литературе в 1920—1930-е гг. По словам Г.Ю. Завгородней, «в начале 20-х годов эпоха обрела голос. Иными словами, особую важность обретает звучащее слово, причем слово это принадлежит не интеллигенту-эстету, а человеку из народа, уверенно вышедшему на авансцену эпохи. Если порубежная эпоха с ее культом ушедших культур, воспринимаемых неизменно эстетически-опосредованно, живого устного слова фактически не ведает, а ее представители скорее эстетизируют устное слово, то 20-е годы это слово обретают. Именно в это время происходит знаменитый „сказовый бум“. Сказ становится важной формой самовыражения эпохи» [2. С. 31]. К 1930-м гг. сказ проходит некую эволюцию, обрастает новыми смыслами и плотно сопрягается с автобиографией, очерковым жанром и, включая в себя художественный вымысел, с новыми авторскими сказками (Б. Шергин «Шиш Московский» (1930), П.П. Бажов «Малахитовая шкатулка» (1937), С.Г. Писахов «Ледяна колокольня» (1940)). Говоря о сказе, следует отметить, что он неоднороден, у каждого из названных художников свой индивидуальный авторский сказ. При этом каждому сказовому произведению присущи следующие черты:

1) подражание сказочному, былинному и песенному складу, инверсионность строя (может присутствовать на всех уровнях произведения: заглавие, названия глав, речь героев, речь автора);

2) подражание местным и профессиональным говорам крестьянства и рабочего класса; подражание просторечию и профессиональным говорам городского населения, преимущественно тех групп его, которые не вполне владеют литературным языком;

3) стилизация внутри художественного произведения фольклорных жанров (причитание, предание, легенда), а также жанров христианской литературы (житие, притча, апокриф);

4) органичное вкрапление в текст малых фольклорных жанров (пословицы, поговорки, прибаутки, заговоры, песни);

5) поэтизация и «идеализация» мира людей, «укорененных в традиции народной культуры: их неподдельно живая веселость, ум, меткость речи» [3. С. 9].

Таким образом, сказ создает музыкально-живописный образ мира. Одной из его важнейших особенностей является воссоздание в ткани художественного текста своеобразной «панорамы мира», актуализируется синтез литературного и живописного. Данная тенденция индивидуализируется в стиле разных писателей. Внимание к народной речи продиктовано профессией и местом рождения и становления писателя. Для П.П. Бажова это Урал, «где сама земля рождала легенды и сказки. Горщики, рудобои, рудознанцы, медеплавильщики, чеканщики,

камнерезы — все, кто неразрывно был связан своим трудом с природой Урала, искали объяснения земляным богатствам и создавали легенды, в которых нашла поэтическое выражение любовь русских людей к родной земле» [4. С. 4]. С.Г. Писахов изначально художник-живописец, а уже потом автор живописных сказов и сказок. Для М.М. Пришвина первыми опытами в литературе стало участие в собирании фольклора русского севера вместе с профессором Н.Е. Ончуковым в 1906 г.

Все это нашло отражение у М.М. Пришвина в строе автобиографической повести «За волшебным колобком» (1908), в автобиографических очерковых записях о быте горнозаводских рабочих Урала в цикле «Уральские были» (1924) П.П. Бажова и поморов русского Севера, чья мудрость, смекалка и необыкновенное жизнелюбие описываются С.Г. Писаховым в сборнике путевых автобиографических очерках «Я весь отдался Северу» (1937) и в сказках, объединенных общим названием «Ледяна колокольня» (1940).

«Уральские были» впервые увидели свет в 1924 г. Они представляют собой очерковые записи, картины жизни горнозаводского рабочего люда, основанные на детских воспоминаниях автора. Книга написана задолго до публикации знаменитой «Малахитовой шкатулки». Многие исследователи творческого наследия П.П. Бажова (М. Батин, А. Саранцев, Л. Скорино) относят их к «досказовому периоду творчества писателя», подразумевая под «сказами» произведения, входящие в «Малахитовую шкатулку». Опираясь на письма самого литератора [5. С. 61]: «Я сам сколько угодно рабочего фольклора слышал, слышал целые сказы», — исследователи сходятся во мнении, что сказом можно называть сугубо произведение устного народного творчества рабочего люда. Однако данная трактовка весьма неоднозначна. Анализируя имеющийся материал, можно с уверенностью утверждать, что именно тогда, в начале 1920-х гг., и появился Бажов-сказитель, ведь во многом из «Уральских былей» вышла и «Малахитовая шкатулка». Несомненно, проза П.П. Бажова подготовлена его многолетней, более двух десятилетий, собирательской деятельностью любителя-фольклориста, так что ко времени публикации «Малахитовой шкатулки» в 1937 г. в этих очерковых произведениях уже звучит вполне определенный и колоритный его голос.

Уже в этом первом очерковом цикле писатель предстает перед нами как мастер живописания, рисуя панораму народной жизни горнозаводского населения. Живописание Бажова особой природы, оно сродни замятинскому, в котором «ощутимо нетерпение открывателя, в нем нет суетливости, но есть поспешание, в котором желание крупным планом подать отдельные детали, чтобы читатель смог сам домыслить целое» [6. С. 64]. Сказовость у Бажова представляет собой некую синтаксическую категорию, основными чертами которой является неполнота, пропуск смысловых звеньев, ориентация на понимание адресатом фабульного эллипсиса. Эта неполнота выражается во фрагментарности повествования и описания. Панорама, рисуемая нам П.П. Бажовым, тоже фрагментарна, полотно как бы не дорисовано, оно представляет собой отрывки картин.

В обрамлении всего полотна художественного текста — образ Сысертского завода, состоящего из четырех заводских зданий, которые были со всех сторон окружены хвойным лесом:

Все заводы были окружены густым, хвойным, преимущественно сосновым лесом... Верстах в двадцати от верхнего завода участок «Храпы» представлял собой непроходимую тущобу, где *водился медведь, козел, дикий кабан и лось. Козлов и лосей* было так много, что их иногда забивали на Верхнезаводском пруду... *Брусники* в борах за Сысертью было так много, что осенью за ней шли длинные *обозы из крестьян*. В заводской конторе за полтинник брали билет на право вывозки *одной телеги брусники* [7. С. 8].

Заводы в лесу, рабочие поселки, большие чистые пруды, обилие ягод и дичи, девственная, не тронутая человеком природа — все это создает идиллию счастливой, полнокровной, богатой жизни, будто бы запечатленной русскими мастерами живописи. Однако уже следующее описание указывает нам на то, что эта идиллия разрушается другой картиной, так знакомой по полотнам передвижников:

Кроме заводских селений, в черте Сысертского округа было несколько рудников и приисков, с возникшими около них поселками. Жители этих поселков в пору крепостничества звались «горнозаводскими крестьянами», «непременными рабочими заводов Сысертских».

Таковыми же «непременными» они остались и потом, так как незначительные наделы и «неродимые» земли не давали им возможности кормиться только крестьянским хозяйством, заставляли работать на заводы: по добыче и доставке руды, возке угля, железа, чугуна и т.д. [7. С. 8]. Завод изображается П.П. Бажовым как живое существо, в котором постоянно проходят процессы жизнедеятельности и цель которого — уничтожение человеческого достоинства.

Социологический и даже классово-идеологический акцент повествования 1920-х гг. очевиден: в центре панорамы — образы владельцев заводов. Они серые и безликие. В череде этих людей невозможно выделить яркие и колоритные образы. Вся их жизнь указывает на безликость и безвкусию. Они лишены изначально природного чувствования мира. Попытка выделиться среди других обречена на провал, так как эти люди лишены нравственного стержня, для них важна лишь внешняя сторона жизни. Бажов дает очень точное определение такому классу людей: «красивые самцы с пустым кошельком» [7. С.13]. Портретный жанр едва ли не главный в данном очерковом цикле. Наброски, этюды, шаржи, карикатуры — все можно встретить в «Уральских былях». Описывая владельцев заводов, автор особое внимание уделяет последней барыне из семьи исконных владельцев Турчаниновых, Марье Антоновне, и ее свите.

Около Турчаниновой — пышной вдовы — постоянно вертелась целая стая фаворитов, которых мастеровщина звала „ейные кобели“. Выезд этой группы на прогулку куда-нибудь с барыней именовался „собачьей свадьбой“... Тут и гусар в ярком костюме, вроде петуха, тут же какой-то необыкновенно вертлявый человек со стеклышком в глазу и огромным пестрым платком на шее. На тяжелой вороной лошади выезжал выезжал огромный детина с красной грудью, в удивительной шапке, на которой развевался конский хвост... [7. С. 13].

Эти образы карикатурны и уродливы, в их описании отражается все худшее, что было в русском дворянстве 1880-х гг. В этих характеристиках чувствуется обреченность данного класса на вымирание.

Картина обретает новые очертания и смыслы, когда Бажов-живописец запечатлевает образы заводских заправил. Автор показывает нам всего трех представителей этой профессии, но этого вполне достаточно, чтобы у читателя сложилось негативное впечатление об этой породе людей. Первый из них был настолько неинтересен рабочим, что «у него не было обычного в заводах прозвища. Видимо, фамилия Палкин казалась подходящей кличкой». Его образ явно окарικатурен. С одной стороны, он все для завода делал «из-под палки», но в то же время пытался выслужиться перед начальством. В его правлении «преобладала быстрота наездов, мгновенная ревизия, „цветок“ (так назывался букет похабнейших ругательств) и водка» [7. С. 18]. Автор с искрометным юмором описывает конец правления заправилы: «сдали спившегося Палкина в «архив» [7. С. 19]. Два других заправилы описываются в том же духе иронии, насмешки и осуждения, но следует отметить, что в этих характеристиках не звучит авторская неприязнь, а лишь легкий укор и сожаление об ушедшем.

Самые многочисленные на холсте художественного текста — рабочие и служащие Сысертских заводов. Их описывает писатель с особой любовью и симпатией, словно вырисовывая каждую деталь в их внешности и характере. П.П. Бажов рисует их группами, посвящая каждой группе отдельный очерк, создавая своеобразные социально-жанровые зарисовки: «Приказные», «Заводские», «Приисковые», «Спичечники и кустари», «Чёртознаи», «Старики». В таких общих описаниях создается монументальность характеров, иконописность образов, что обуславливается описанием их страданий и тяжелых условий жизни. У них изуродованные лица и глубоко провалившиеся рты. Описания этих людей показывают, с одной стороны, авторский бунт против канонических законов иконографии, а с другой — следование канонам натуралистического, а не просто реалистического внимания к деталям. Его изображения уродливы:

Изуродованные на спичечном заводе люди казались прямо страшными. В двадцать пять — тридцать лет они были уже стариками с глубоко провалившимися ртами, неясным шамканьем вместо речи [7. С. 20].

П.П. Бажов создает новый тип страдальцев — уродливых мучеников, которые заполняют все уровни текста. Отдельные очерки писатель посвящает наиболее ярким, известным, «сочным» и колоритным личностям завода. Один из них — Мастерко. Именно он является тем самым Хмелининым, который послужил прообразом для дедушки Слышко — рассказчика «Малахитовой шкатулки». Мастерко является своеобразным юродивым на заводе. Весь его внешний вид выдает в нем не только рабочего, но и странника. Мастерко описывается как народный заступник. Он хранитель национальной мудрости, человек, живущий по законам природы. С большим уважением, терпением и почтением описывает его автор, не-

смотря на некую неказистость и кажущуюся абсурдность его внешнего вида, что говорит о необыкновенной важности этого человека для всего горнозаводского быта:

В рубаше и в штанах из синего в полоску домотканого холста, в войлочной шляпке без полей, в засаленном коротком фартуке, быстро шел „мастерко“ по заводским улицам. Обменивались друг с другом короткими приветствиями, шуткой, ласковым матерком — иной раз угрожающим, иной раз безобидным. Зимой к летнему одеянию прибавлялся какой-нибудь полушубишко или пальтишко из таких, которые не жаль было потерять из общей кучи... [7. С. 23].

Мастерко относится к тому типу старателей, которые смогли сохранить внутреннюю свободу и независимость в бесчеловечных условиях жизни.

В «Уральских былях» П.П. Бажов живописно воссоздал образ благородного русского рабочего сословия, показал его ум, творческую силу, умение постоять за себя. Это достигается путем обращения к сказовой форме повествования, которая характеризуется инверсионностью строя, ориентацией на самородную «сочную» народную речь и говоры горнозаводского Урала, живым языком, выпеванием, которое ярко проявляется во вставных малых фольклорных жанрах (например, песня «Здравствуй, матушка Сысерть, с крутыми горами! Здравствуй, быстрая река, с темными борами!» [7. С. 6]). Живописность слога, подпитываемая песенно-патетическими обращениями, панорамность изображаемого, проникновенно-народная ориентация цикла — все это указывает на подлинность художественных интонаций, которые будут оттачиваться писателем впредь.

В 1930-е гг. на литературную арену выходит талантливый художник, писатель, автор живописных очерков, сказов и сказок С.Г. Писахов (1879—1960). Его родиной и местом творческого становления является Архангельск. С.Г. Писахов создавал воистину вселенские полотна на холсте и на бумаге. Творческие силы и художественное вдохновение давала ему природа русского Севера, сам Север дарил и краски, и слова, и сюжеты для полотен и сказов.

Сборник очерковых миниатюр «Я весь отдался Северу» увидел свет в 1937 г. В этом цикле проявилась вся сила таланта писателя и живописца. Это автобиографический сборник, в котором рассказывается о его экспедиции на Север в 1905 г. с целью закончить серию картин, посвященных северной природе. Описывая свои впечатления от посещения русской Арктики, от общения с коренными народами Севера, рисуя быт и нравы поморов, их традиции и жизненные устои, органично вкрапляя в текст жанры национального фольклора (песни, прибаутки, сказки, легенды), Писахов как бы рисует перед нами картины народной жизни, рисует северян как носителей национальной мудрости, вкладывает в их уста дидактические наставления и поучения. Все это плотно сопряжено с формой сказа, которая нашла отражение в индивидуальном стиле писателя. Сказ выражен в цикле инверсионностью строя, и притчевостью повествования, и фрагментарностью описываемого, и живописностью слога, и ориентацией на читательское понимание и восприятие. Писаховские очерковые сказы представляют собой во многом не-

завершенный разговор писателя с читателем, художника со зрителем, сказителя со слушателем.

Выгрузка и погрузка шли своим чередом. Губернаторский чиновник, *весь перепачканный*, вылез из-под дома.

— Что вы там делали?

— *Идол* искал. *Обещал архиерею привезти*. Не могу найти, а есть, знаю, что есть... Идолы были. Мне их показали — *замазанных салом, закопченных*.

— Где вы их прятали? Чиновник все перерыл, всюду лазил.

— *Под собакой со щенятами*. Собака чиновников-начальников не подпустит, — *отвечали мне ненцы*. [4. С. 261]

С искрометным юмором описывает автор истинное отношение ненцев к чиновникам и начальникам, их трепетную заботу о родной культуре и памяти предков, выраженной в уважении к устоям и традициям, в заботе о религии, в нежелании отдать на поругание священные реликвии. Праздное любопытство заезжего чиновника, стремление угодить архиерею, желание посмеяться над чужой религией — все это находит жесткий и мудрый отпор. Коренным народам Севера дается изначально природное чувство мира, красоты родной природы, понимание важности сохранения национальной самобытности и самосознания. В сказах, сказках и очерках С.Г. Писахова доставалось всем, кто мешал жить. На все хватало взгляда писателя, всего касалась кисть художника.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что и для П.П. Бажова, и для С.Г. Писахова сказ становится главной формой повествования, в которой нашла отражение любовь к родной природе, интерес к народной речи, живописание словом, способность воссоздать в ткани художественного текста «панораму народной жизни».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Эйхенбаум Б.М.* Лесков и современная проза // О литературе: работы разных лет. — М., 1987.
- [2] *Завгородняя Г.Ю.* Сказ и стилизация в малой прозе 1920-х годов: продолжение традиций серебряного века // Синтез в русской и мировой художественной культуре. — М., 2012.
- [3] *Мущенко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е.* Поэтика сказа. — Воронеж, 1978.
- [4] *Бажов П.П.* Собрание сочинений в трех томах. Том 1. — М., 1976.
- [5] *Батин М.А.* Павел Бажов. — М., 1976.
- [6] *Минералова И.Г.* Стиль и синтез. Евгений Замятин как мастер словесной живописи // Анализ художественного произведения. Стиль и внутренняя форма. — М., 2011.
- [7] *Писахов С.Г.* Сказы и сказки. — М., 1976.

LITERATURA

- [1] *Eukhenbaum B.M.* Leskov I sovremennaya proza // O literature: raboty raznykh let. — M., 1987.
- [2] *Zavgorodnyaya G.Yu.* Skaz I stilizatsiya v maloy proze 1920-kh godov: prodolzhenie traditsiy serebryanogo veka, *Sintez v russkoy I mirovoy khudozhestvennoy culture*. — M., 2012.
- [3] *Mushchenko E.G., Skobelev V.P., Kroichik L.E.* Poetika skaza. — Voronezh, 1978.
- [4] *Bazhov P.P.* Sbranie sochinenii v trekh tomakh. Tom 1. — M., 1976.

- [5] Batin M.A. Pavel Bazhov. — M., 1976.
[6] *Mineralova I.G.* Stil' i sintez. Evgenii Zamyatin kak master slovesnoi zhivopisi, Analiz khudozhestvennogo proizvedeniya. Stil' i vnutrennyaya forma. Moskou., 2011
[7] *Pisakhov S.G.* Skazy i skazki. — M., 1976.

“A TALE AS A FORM OF DIPICTING IN WORKS BY P.P. BAZHOV AND S.G. PISAHOV”

A.M. Agapova

Moscow state pedagogical University
Malaya Pirogovskaya street, 1, Moscow, Russia, 119435

Our scientific work is called “A Tale as a form of depicting in works by P.P. Bazhov and S.G. Pisahov” and is devoted to the study of a tale form of narration in Russian prose memoir in 1920—1230-ies of XX century. The work examines collections of essays “Ural true stories” by P.P. Bazhov and “I gave the whole of myself to North” by S.G. Pisahov. The article is based on such concepts as “tale”, “autobiography”, “sketch”, “picturesqueness”. We conducted an analysis of individual style of writers, singled out common features that are typical of the style of both authors and the style of 'artistic era’ (A.S. Sakulin). The essays are being investigated from the point of view of stylistic devices and features of the artistic language. It is being proved that depiction is one of the most important elements of creating an artistic text in a fantasy form of narration.

Key words: the tale, narration, depiction, individual author's style, essay, autobiography.